

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
ГЕРМАН СИРИЛ МАК-НЕЙЛ
ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ • ДЖОЗЕФ КОНРАД
ХАРВИ О'ХИГГИНС
ЭРНЕСТ УИЛЬЯМ ХОРНУНГ

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ПРОТИВ ИГРОКОВ

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
ГЕРМАН СИРИЛ МАК-НЕЙЛ
ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ • ДЖОЗЕФ КОНРАД
ХАРВИ О'ХИГГИНС
ЭРНЕСТ УИЛЬЯМ ХОРНУНГ

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ПРОТИВ ИГРОКОВ

Сборник

УДК 821-312.4
Д40

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с английского

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5686-6 (PDF)

- © Григорий Панченко, составление, 2018
- © Depositphotos.com / inxti74, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Представлять читателям самого Артура Конан Дойла, к счастью, совершенно не требуется. Поэтому скажем несколько слов лишь о его текстах, включенных в этот сборник.

«Случай в полку» — довольно редкий образец детектива «не холмсианского», а вдобавок и достаточно неканонического. Впрочем, удивляться такому совпадению не приходится: ведь истории о Шерлоке Холмсе, собственно, и задали канон как таковой. Некоторые реалии этого рассказа требуют пояснения для современных читателей. Так, джезали — длинный мушкет афганских горцев: оружие, при всей своей примитивности, очень мощное, дальнобойное и точное. Англичане успели познакомиться с ним в нескольких войнах: именно пулей джезали был ранен... доктор Ватсон (по «Этюду в багровых тонах» — в плечо, по «Знаку четырех» — в ногу). Упоминание о винтовке Ремингтона связано с однозарядной моделью 1867 года, состоявшей на вооружении без малого трех десятков стран, включая и Египет времен Араби-паши¹. Винтовка Бердана (знаменитая «берданка») по происхождению такое же американское оружие, как и продукция Ремингтона, однако вскоре она была принята на вооружение в русской армии, где неоднократно модернизировалась. В данном рассказе афганцы стреляли по англичанам именно из российских берданок, полученных ими в рамках пресловутой «Большой игры», то есть многолетнего состязания между тогдашними сверхдержавами за верховенство на центральноазиатских просторах. Это действительно было более опасное оружие, чем джезали и ремингтон.

¹ Ахмед Ораби-паша (Араби-паша) (1842—1911) — египетский военный и политический деятель, командовавший египетской армией в англо-египетской войне 1882 г. Был взят в плен и отправлен в ссылку на Цейлон. (Примеч. ред.)

Гурко¹ и Красный Принц (прозвище Фридриха Карла Гогенцоллерна) — авторитетные полководцы, пользовавшиеся уважением не только союзников, но и геополитических оппонентов. Оба участвовали во многих кампаниях, но с первым герой Конан Дойла должен был встречаться во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, со вторым же несколько ранее, на франко-прусской войне 1870—1871 годов.

Что касается карточной игры, то она в рассказе описана грамотно, но, по мнению специалистов, несколько натужно. Это явно взгляд со стороны. В число увлечений сэра Артура входили самые разные спортивные игры — но ни одна из карточных...

Второе произведение, «О Холмсе и спиритизме», еще более необычно. По жанру это скорее эссе, чем что-либо еще; однако оно ни разу не публиковалось не только в переводах, но даже в английских изданиях, потому что... никогда не было написано! В оригинале это — кинематографическая запись, сделанная за несколько месяцев до смерти Конан Дойла; кинематограф тогда еще был немой, так что речь записывали на установленный рядом с камерой граммофон. (Фактически она начинается с фразы: «Я должен сказать пару слов. Просто чтобы проверить звук, как я понимаю».)

Между прочим, эта лента — самая длинная съемка Конан Дойла кинокамерой: сохранились еще несколько пленок, но на них писатель появляется на считанные десятки секунд. И только ее сопровождает запись звука...

В первых кадрах сэра Артура (он все еще крепок и статен, хотя жить ему оставалось около полугода) выходит в сад, под ногами у него крутится ирландский терьер, не скрывающий своей великой любви к хозяину. Конан Дойл кладет на столик книгу, которую принес с собой, снимает шляпу и небрежно бросает ее поверх книги; затем садится в плетеное кресло (собака тут же располагается рядом и кладет морду ему на колено, играя роль почетного слушателя) и начинает рассказ. Закончив его, ласково погла-

¹ Иосиф Владимирович Ромейко-Гурко (1828—1901) — русский генерал-фельдмаршал, наиболее известный благодаря своим победам в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (*Примеч. ред.*)

живает пса, произносит: «Ну что же, до свидания» — и, сопровождаемый ошарашенным терьером, уходит к виднеющемуся на заднем плане дому...

Но получилось не «до свидания», а «прощайте». Это интервью стало последним из тех, которые давал Конан Дойл, — и единственным, которое потомки могут видеть и слышать.

Что касается той части рассказа, в которой сэр Артур говорит о спиритизме, то давно отмечено: в таких вопросах он проявлял поистине рыцарскую доверчивость, не очень-то уместную в мире уже слишком далеком от рыцарства. Так что его фраза «Я говорю о том, с чем я имел дело, что я видел, что я слышал собственными ушами, причем в присутствии свидетелей», увы, нуждается в расшифровке: всякий раз, когда становятся известны протоколы этих спиритических заседаний, оказывается, что именно Конан Дойл никогда ничего не видел и не слышал, при этом целиком полагался на показания «свидетелей», которые, разумеется, во многих подробностях описывали ему свои собственные «наблюдения». Кавычки необходимы в обоих случаях.

Что поделать: когда речь шла о контактах с духами (особенно если это были «прекрасные молодые люди», павшие на полях сражений Первой мировой, где сам сэр Артур тоже потерял младшего брата, старшего сына, шурина и двух племянников), создатель Шерлока Холмса словно бы превращался в доктора Ватсона...

СЛУЧАЙ В ПОЛКУ

Это была крайне деликатная история. Думаю, у нас в Третьем Карабинерском полку ее забудут нескоро — то есть вообще не забудут.

Нравы в Третьем Карабинерском были столь же свободны, сколь тверда дисциплина, так что если в полк прибывал простой и недалекий служака, склонный жить исключительно по уставу, — что ж, ему в этом смысле тоже предоставлялась полная свобода действий, и его армейская карьера абсолютно

не страдала. Но все же есть предел тому, что полковник, при всем своем великодушии, считал допустимым. А коль скоро полковник был ярым сторонником *честной игры* во всех значениях слова, то и в первоначальном значении, то есть за карточным столом, о нарушении ее, разумеется, не могло быть и речи. В таких вопросах даже тень подозрения — нечто абсолютно чудовищное.

Ну сами посудите. К библейским заповедям и ко всякому писаному кодексу можно относиться примерно так же, как к залпам арабских ружей при Кассасине¹: ты учиываешь их значимость, принимаешь к сведению, но идешь сквозь них с этакой веселой беззаботностью, ведь, в конце концов, рисковать жизнью — это твоя профессия, не так ли? Но неписанные кодексы, законы чести высятся гранитными бастионами меж руин заповедей и уставов. Они краткие, ясные и порой неудобные, но горе тому, кто их нарушит.

А раз уж в любом случае следует поступать по законам чести, то среди этих законов есть и вот какой: карточные долги надо платить. Поступать иначе попросту не спортивно. Это все равно что белое перо² — а такими перьями карабинеры сроду отмечены не были и вовек не будут.

Короче говоря, кодекс был прост, в каком-то смысле даже примитивен, однако соблюдался свято — чем далеко не всегда могут похвастаться более сложные и развитые системы.

Если уж и был в офицерском собрании человек, который мог считаться у юных субалтернов живым эталоном кодекса, то таковым следует считать майора Эррингтона. Он был человек в возрасте, то есть старше всех остальных карабинеров и не

¹ Кассасин — небольшая египетская деревушка, где в августе 1882 г. состоялось одно из решающих сражений второй англо-египетской войны (результатом которой стало превращение Египта в британский протекторат). Английские войска весь день выдерживали атаки превосходящих сил египетского главнокомандующего Араби-паши, а к вечеру перешли в контрнаступление и одержали внушительную победу.

² В британской армии — традиционный символ трусости.

моложе полковника (который нам, юнцам, тогда казался стариком); прошел добровольцем через две войны, после одной из них еще какое-то время работал как военный атташе; имел на теле рану от пули, выпущенной из винтовки Бердана, — а у нас, надо сказать, эту винтовку всегда считали куда более неприятной штукой, чем афганские мушкеты-джезали или даже те ремингтоновские винтовки, которыми были вооружены солдаты Араби-паши.

Все мы прошли Египет и Судан, но только майор мог мельком обмолвиться о том, как он рядом с Гурко пересекал Балканы или проехал мимо свиты Красного Принца всего за два дня до Гравелота¹. И каждый из нас смущенно опускал взгляд, каждому казались мелкими наши победы над фуззи и патанами², каждый невольно задумывался о том, как мог выглядеть мир, если бы вместо министерства иностранных дел всем управляли молодые офицеры Третьего Карабинерского, — и каждый приходил к выводу, что этот мир был бы гораздо лучше. Во всяком случае, энергичнее.

Вы, конечно, сейчас подумали, что майор не упускал случая козырнуть своими заслугами. Ничего подобного! Он был не просто вежлив, но прямо-таки чрезвычайно деликатен. Пожалуй, это можно было назвать его единственным недостатком, потому что всему своя мера, особенно в условиях военного лагеря. Во время сражения трудно было пожелать себе лучшего командира, чем Эррингтон, но вот в мирное время он почти не умел быть строгим руководителем. Даже когда пред

¹ Битва при Сен-Прива — Гравелот — одно из самых крупных сражений франко-прусской войны. (*Примеч. ред.*)

² Фуззи — принятое в то время название для кочевых негритянских племен северо-восточного Судана; именно они считались самыми опасными бойцами, победа над которыми англичанам далась очень нелегко. Патаны — та племенная общность, которая в современном Пакистане и Афганистане называется «пуштуны»: тоже чрезвычайно воинственный и стойкий в бою народ. То есть на фоне большой европейской политики подвиги карабинеров смотрятся, может быть, недостаточно презентабельно, но в чисто военном смысле им абсолютно нечего смущаться.

ним представал пьяный как сапожник нижний чин, только что совершивший вопиющее, на грани дезертирства или вроде этого, нарушение устава, — майор, конечно, сурово хмурил брови, метал глазами молнии и говорил с ним очень грозным голосом, но солдат таким не обманешь: они все равно чувствовали, что перед ними «отец-командир», причем больше отец, чем командир...

Еще надо сказать вам, что Эррингтон происходил из очень богатой семьи, он был обеспечен лучше всех в полку и мог позволить себе свободно относиться к деньгам, но тратил не больше, чем любой другой офицер. Иные из нас, самые юные, негласно записали его в скупцы, однако остальные, наоборот, считали это очередным примером особой деликатности майора: он не хотел выставить себя слишком богатым, а точнее, выставить всех прочих слишком бедными.

Неудивительно поэтому, что мнение майора для нас значило чрезвычайно много. Мы, молодые офицеры, буквально смотрели ему в рот. В любом полку случаются всякого рода ссоры, конфликты и недоразумения, которые нельзя ни загонять внутрь, ни тем более выносить наружу, — так что для их разрешения требуется мудрое и авторитетное суждение кого-нибудь из старших командиров. Майор, попыхивая сигарой, терпеливо выслушивал суть дела, затем возводил глаза к потолку, словно наблюдая за душистыми клубами сигарного дыма, и говорил: «Думаю, Джонс, что вам лучше бы взять свои слова обратно» или «При этих обстоятельствах, Хэл, ваши действия следует считать оправданными», после чего вопрос оказывался улажен наилучшим образом.

Словом, скажи нам кто-нибудь, что полковник украл полковой сервиз или что наш капеллан пригласил к чаю единственного в Третьем Карабинерском атеиста (таковым у нас был старший сержант), мы удивились бы этому меньше, чем слуху, будто майор Эррингтон может быть замешан в чем-нибудь постыдном. Но этот слух действительно возник.

Дело обстояло так. Не помню, упоминал ли я уже о том, что полковник был человек в высшей степени азартный. Карты,

кости, скачки, верный шанс либо почти безнадежный — ему было все равно: лишь бы держать ставку за или против хоть чего-нибудь. Это было приемлемо, когда игра шла в нашем офицерском кругу, где ставки обычно не поднимались выше шиллинга за очко и полукроны за вист. Даже когда полковнику не повезло в борьбе за кубок того регионального чемпионата, который проводился в масштабах всего Третьего Карабинерского, — что ж, там ставки тоже не выходили за пределы разумного.

Но когда он вдруг решил подписаться на американские железнодорожные акции, то снял для этого с банковского счета все свои сбережения (приносившие верных семь процентов в месяц), да еще и кредит в том же банке взял, и вложил эти средства в дело, где игроки сидят по ту сторону океана, а банкомет и вовсе расположился на Уолл-стрит. Бесполезно было объяснять старику, что по сравнению с этим риском рулетка в Монте-Карло — милая семейная игра на интерес. Последовало неизбежное: железнодорожная линия сменила владельца (ее приобрел какой-то особо крупный финансовый туз), прежние акции упали с шестидесяти двух пунктов до цены бумаги, на которой были напечатаны, а дела нашего славного командира замерли в миллиметре от процесса о банкротстве. И не просто замерли, но неуклонно двигались к тому самому процессу. На сотые доли миллиметра в день — однако де-факто это означало, что до него остаются считанные недели. А как только дело поступит в суд, полковник, разумеется, в тот же день подаст в отставку.

Шила в мешке не утаишь, так что мы всё знали, хотя, разумеется, не потому, что наш командир хоть словом об этом обмолвился: он был горд как Люцифер. Итак, полковник упорно молчал, а службу в эти роковые недели нес особенно безупречно, но все-таки в глазах его сквозила смертная тоска, а мундир иной раз переставал сидеть на фигуре идеально и нелепо обвисал, как штатский сюртук.

Разумеется, все мы очень жалели нашего славного старика, но не знали, чем тут можно помочь. А, ладно, скажу вам

честно: даже больше, чем за самого полковника, мы беспокоились за его дочь, юную мисс Виолетту. Все карабинеры буквально обожали Виолетту Лоуэлл, и ее горе стало горем полка как такового. Была ли она идеальной красавицей? Положим, нет — но очень хорошенькая девушка, свежая, как английская весна, очень умная, очень чуткая, очень... Да что там говорить: для всех она была образцом женственности. Знаете, есть такие девушки — вот только увидишь их и уже больше не можешь о них не думать, причем не в красоте как таковой тут дело. Такое это наслаждение — просто быть рядом с ними, слышать их голос, видеть их счастливые лица... От самого их присутствия жизнь становится лучше и чище. Словом, если вы таких девушек встречали, то поймете меня без долгих объяснений.

Именно такой была наша Виолетта. Мы буквально боготворили ее, все без исключения, от «старого» майора до только что поступившего в полк субалтерна, у которого, конечно, бритвенные принадлежности в экипировку входили, но на практике еще не использовались за ненадобностью. И когда на юное личико Виолетты упала тень той печали, которая угнетала ее отца, нам тоже стало не до веселья. И даже тот факт, что как раз тогда наш полковой поставщик отправил карабинерам большую партию «Дойца-Гельдерманна»¹ урожая 81-го года, не мог вернуть нам хорошее настроение.

Майор переживал больше всех. Мне даже кажется, что он принял ситуацию ближе к сердцу, чем сам полковник (кстати, майор-то как раз был единственным, кто по старой дружбе попытался намекнуть ему, что, мол, не стоит покупать те проклятые акции). Наверное, Эррингтон, понимая, что позор банкротства станет для его старого друга смертельным ударом, винил себя в том, что высказал свои предостережения недостаточно настойчиво. Ну и еще — кажется, он совсем по особому относился к дочери полковника. Мы не могли с уве-

¹ Знаменитая марка шампанского, производимая с 1838 по сей день, хотя сейчас она официально именуется просто «Дойц».

ренностью это утверждать: майор был человек сдержанный, даже, пожалуй, застенчивый; он свои чувства очень по-английски скрывал так тщательно, словно они были позорными недостатками. Но все-таки иной раз удавалось заметить, как теплел его взгляд, устремленный на юную Виолетту. То есть у каждого из нас теплел, однако у него — иначе. Во всяком случае, так нам казалось.

Полковник имел обыкновение после ужина удаляться в свой кабинет. Это не означало намерения остаться в одиночестве: каждый, кто последовал бы за ним, оказывался там желанным гостем. Майор Эррингтон и несколько офицеров, включая и вашего покорного слугу, обычно как раз следовали туда — и майор с полковником садились играть в вист друг против друга, а мы, все остальные, либо тоже вистовали, либо просто становились вокруг стола посмотреть на игру. О, уверяю вас, там было на что посмотреть! Полковник всегда оставался игроком не просто азартным, но поистине великолепным, причем играть он предпочитал на крупные ставки. Близок ли он был к банкротству, далек ли — от этого ничего не менялось: по крайней мере в офицерском собрании полковник считал для себя делом чести придерживаться прежнего кодекса.

А вот поведение майора в последние дни стало несколько странным. Одно время он вообще отказывался играть на деньги, но недавно, как раз когда с полковником произошла эта неприятная история, этому правилу изменил. Не просто ответил на традиционный вызов полковника, но, похоже, косвенно побуждал его повышать ставки — и вообще играл как человек, очень озабоченный выигрышем: крайне внимательно наблюдал за сдачей карт, следил, чтобы все денежные ставки сразу выкладывались на стол... В тот день майор был прямо-таки сам на себя не похож: он нервничал, грубо ошибался в игре — но фортуна все равно оказалась на его стороне. Тяжело было наблюдать, как в результате этой игры полковник, и так-то потерявший почти все, делается еще беднее, а самый богатый человек полка — еще богаче. Однако

майор по-прежнему был для нас эталоном чести, поэтому мы верили: если он поступает именно так, а не иначе, значит, для того есть особенно веские причины.

Да, так думали все мы... кроме одного. Низкорослого и юного секунд-лейтенанта Петеркина приписали к Третьему Карбинерскому совсем недавно, но он вообще был из молодых, да ранних: если бы существовала книга «Инструкция для мальчиков: 50 способов казаться взрослым еще до того, как у тебя пробьются первые усы», то он стал бы ее усерднейшим читателем. В том числе и по части карточных игр. В девять лет он, благо финансы семьи позволяли, уже сам делал букмекерские ставки, в десять скопил из выигрышей очень приличную сумму, а к тринадцати годам ставки уже не делал, но принимал — иными словами, держал подпольный тотализатор. Так что к тому времени, как он обзавелся первыми усами и лейтенантскими погонами, Петеркин был уже настолько сведущ, проницателен и опытен, что мог дать фору иному ветерану.

В области карт, естественно.

Для юнца, к тому же «из чужаков», это не такое уж достоинство. Однако мужеством Петеркин тоже не был обделен, да и чувство юмора у него имелось — в общем, мы с ним прилично ладили. До тех пор, пока он не обронил в адрес майора первое слово подозрения.

Отлично помню, как это случилось. Дело было утром, в бильярдной: нас, лейтенантов, там собралось шестеро, и еще Остин, молодой капитан. Он как раз гонял с Петеркином шары — и вдруг с грохотом швырнул кий на пол.

— Вы — проклятый маленький лгун, Петеркин! — воскликнул Остин.

Мы понятия не имели, в чем там дело, но сразу повернулись к ним. Петеркин вовсе не выглядел смущенным. Он спокойно натирал мелом набойку своего кия.

— Думаю, капитан Остин, вскоре вам придется пожалеть о своих словах, — безмятежно, даже почти весело произнес Петеркин.

— Вы так считаете?

— Да. Более того скажу: полагаю, вы за них передо мной извинитесь

— Да неужто?

— Вот именно. Все, чего я прошу, — пойти сегодня со мной вечером на... скажем так, на разведку и убедиться во всем собственными глазами. А завтра все мы снова встретимся тут в этот же час, и вы сообщите ныне присутствующим здесь джентльменам свои выводы по поводу... предмета нашей раз-молвки.

— Эти джентльмены не имеют к ней никакого касательства!

— Простите, капитан, но отныне имеют. Вы бросили мне... гм, необдуманное обвинение в их присутствии — и взять свои слова назад вам тоже надлежит в их присутствии. Впрочем, если желаете, я сейчас объясню им суть нашего спора, и они сами решат, как...

— Ни слова! — гневно воскликнул Остин. — Не смейте повторять эту клевету!

— Что ж, как хотите. Но в этом случае вы должны согласиться на мои условия.

— Хорошо, я сделаю это. Сегодня вечером я отправлюсь в то, что вы изволили назвать «разведкой», а завтра, когда мы все встретимся здесь, публично расскажу о ее результатах. И уж будьте уверены, молодой человек: после этого вам придется сменить место службы, потому что пребывание в Третьем Карабинерском для вас делается очень неком-фортным!

Капитан удалился, в ярости хлопнув дверью. А Петеркин только хмыкнул и продолжил катать шары уже в одиночестве, оставаясь совершенно глухим к нашим вопросам по поводу того, что же сейчас произошло.

Разумеется, на следующее утро все мы собрались в бильярдной. Петеркин по-прежнему не говорил ничего — но в глазах его мелькнул странный блеск, когда капитан, единственный из нас слегка запоздавший, появился на пороге.

Остин словно постарел лет на десять. Таким удрученным мы его еще не видели.

— Ну что ж, — произнес он, — никогда бы не поверил этому, если бы не увидел собственными глазами, — никогда! Вынужден, черт побери, взять свои слова обратно. Петеркин, вы были правы. Представить себе не мог, что офицер карабинеров способен пасть так низко...

— Да, это скверная история, капитан, — кивнул Петеркин. — Конечно, заметил я ее только случайно, но раз уж так...

— Раз уж так, то вы правильно сделали, что не стали молчать. Такие случаи выносятся на офицерский суд чести.

— Если это такое дело, в котором затронуты вопросы чести, то, полагаю, прежде всего следует посоветоваться с майором Эррингтоном, — вступил в беседу лейтенант Хартридж.

Капитан горько усмехнулся.

— Ладно уж, молодые люди, придется вам сказать, — произнес он после паузы. — Это не тот вопрос, который можно держать в секрете... Помните, майор недавно играл с полковником, и на столе были крупные суммы? Так вот, знайте: Эррингтон специально тренируется, отрабатывая шулерский трюк, позволяющий при сдаче карт спрятать одну из них в рукав и тем усилить свою карточную руку¹. Мы, Петеркин и я, наблюдали эти тренировки два вечера подряд, своими собственными глазами. Да, джентльмены, сейчас вы можете сказать мне все, что собираетесь, но повторяю: вчера я стоял напротив окна комнаты майора и видел это, черт побери, наяву. А вы же знаете, что наш старина полковник, при всем мастерстве игры, близорук... Эррингтон передергивал самым бесстыдным образом, будучи абсолютно уверен, что противник ничего не заметит, а никто другой к игре и присматриваться не будет... по крайней мере, в этом смысле. Я... я должен рассказать это полковнику. Полагаю, это моя обязанность.

— Наверно, нам всем следует присутствовать при игре сегодня вечером, — сказал Петеркин. — Конечно, не подходить к столу вплотную и не тарашиться на игроков, но быть наче-

¹ Карты, полученные игроком после раздачи.

ку. Шестеро свидетелей — вполне достаточно, чтобы уладить вопрос.

— Даже шестьдесят свидетелей не заставят меня поверить, что... — начал было Хартридж.

— Что ж, тогда вы просто поверите своим собственным глазам, как мы с секунд-лейтенантом поверили своим, — пожал плечами капитан. — Разумеется, младшим офицерам крайне неловко обвинять в таких вещах одного из своих командиров, человека с двадцатилетним послужным списком — черт побери, блестящим! Но то, что неуместно для нас, уместно для командира полка. А он будет предупрежден, будет бдителен — и сможет поступить так, как сочтет в той ситуации нужным. Шулерство в офицерской компании — не та вещь, которой можно позволить долго существовать. Сегодня вечером мы решим этот вопрос раз и навсегда.

И вот наступил вечер. Мы все собрались в кабинете полковника. За стол, как и в прошлый раз, сели только двое старших, майор и сам полковник. Лицо последнего приобрело чуть более багровый оттенок, чем обычно. Это, как нам было известно, являлось несомненным признаком близкой ярости: редкой, но неукротимой.

Лицо капитана Остина было аналогичного цвета. Конечно, он имел основания предполагать, что, если обвинение не подтвердится, гнев полкового командира будет излит на него.

— Какие ставки? — спросил майор

— По фунту за партию, как и раньше.

— По фунту за каждую взятку, если не возражаете, — предложил майор.

— Отлично. Фунт за взятку¹. — Полковник надел пенсне и смерил противника изучающим взглядом. Майор перетасовал колоду и дал поднять.

¹ Тут возникает непереводаемая игра слов, потому что характерные для виста (в который, видимо, сейчас играют майор с полковником, хотя это и не указано однозначно) термины «карточная партия», «карточная взятка» и «полный розыгрыш круга» обозначаются тем же словом *trick*, что и шулерство.

Первые три партии закончились вничью. У майора карты были лучше, но его противник оказался искуснее в розыгрыше.

В четвертой партии сдача снова перешла к майору. Он положил колоду на стол и прикрыл ее локтями так, что мне стало не видно, как он тасует.

Полковник зашел с валета, и майор побил его дамой. Когда он протянул руку, чтобы забрать взятку, полковник вдруг резко подался вперед в кресле и с его уст сорвалось ругательство, столь непривычное для всех, кто знал нашего командира.

— Поднимите рукав, сэр! — воскликнул он в следующий миг, вскакивая на ноги. — Ну же! У вас карта под рукавом!

Майор тоже вскочил, опрокинув кресло. Мы все уже были на ногах, но ни один из участников игры не обратил на нас ни малейшего внимания.

Полковник, уже совершенно багровый от негодования, указывал пальцем на одну из карт, лежащих рубашкой вверх. Майор вытянулся, как на плацу. Он слегка побледнел, но и не более того.

— Да, сэр, должен признать: у меня в рукаве карта. Но вы же не станете на основании этого обвинять меня в шулерстве?

Полковник оперся на стол костяшками кулаков.

— Это не первый раз. — констатировал он.

— Вы предполагаете, что я воспользовался шулерской уловкой, чтобы получить над вами несправедливое преимущество?

— Мне нечего «предполагать». Я своими глазами видел, как вы передернули!

— А я-то думал, что у вас была возможность хорошо узнать меня за двадцать лет, — произнес майор Эррингтон неожиданно мягким тоном. — Достаточно хорошо, чтобы вы могли прийти к иным выводам... Имею честь пожелать всем вам доброго вечера, джентльмены.

Майор холодно поклонился и вышел прочь.

Едва лишь за ним закрылась дверь, как распахнулись занавески на противоположном конце кабинета. Там находилась небольшая комнатка, где как раз сейчас мисс Лоуэлл готови-

ла всем нам кофе. И вот она ступила через порог, не глядя ни на кого из нас, только на отца.

— Папа! Я представить себе не могу, что ты сказал мистеру Эррингтону! Как ты мог так жестоко и несправедливо его оскорбить?

— Я не сказал ничего несправедливого, дорогая. Капитан Остин, вы видели все? Подтвердите, что я не ошибся!

— Да, сэр. Вы не ошиблись. Я видел шулерский прием. Не только как развивалась партия, но и карту, которую он пере-дернул. Вот она. — Он наклонился вперед и вскрыл верхнюю карту.

— Точно! — воскликнул полковник. — Это козырный король. Так и есть.

— Но кто же в здравом уме передергивает так, чтобы не сдать себе козырного короля, а наоборот, лишиться его? Кстати, на что он его заменил?

Наш командир перевернул карту на столе рубашкой вниз. Это оказалась восьмерка. Полковник присвистнул и запустил пальцы в шевелюру.

— Это ослабило его руку, — сказал он. — Зачем он это сделал?

— Затем, папа, что он намеренно старался проиграть тебе.

— Честное слово, сэр, теперь, когда я задумываюсь обо всем этом, то понимаю: мисс Лоуэлл совершенно права! — воскликнул капитан. — Вот почему он назначил такие высокие ставки, вот почему так из рук вон плохо играл, сегодня и в прошлый раз... Но ему пришли на руки слишком хорошие карты — и майор попытался от них избавиться. Он явно стремился к проигрышу, не знаю уж, по какой причине... О! Простите, сэр...

— О господи! — Полковник застонал от отчаяния. — Сумею ли я остановить...

И он выбежал из кабинета вслед за майором.

Таким образом то, что сперва выглядело как ужасающее нарушение кодекса чести, объяснилось самым благородным

образом. Конечно, майор лучше всех знал, насколько полковник близок к финансовому краху. И, разумеется, он понимал, что его старый друг откажется от любой прямой попытки оказать ему помощь. Вот он и попробовал сделать это за карточным столом. Но судьба распорядилась так, что ему пришли слишком хорошие карты, поэтому, желая помочь, майор, наоборот, еще больше навредил. Чтобы избежать повторения этого, он воспользовался карточным трюком — недостаточно ловко, ибо плутовать в игре совсем не умел, даже специально потренировавшись для этого, — чем и навлек на себя наши подозрения.

Полковник принес ему самые искренние извинения — и был прощен. А потом произошло чудо: американский миллионер, совсем было обанкротивший железнодорожную компанию, держателем акций которой так опрометчиво сделался полковник, внезапно скончался — и акции начали стремительно расти в цене. Скоро их стоимость достигла восьмидесяти семи пунктов, и в итоге оказалось, что наш славный командир действительно сделал удачную ставку.

Какое-то время мы полагали, что дополнительным залогом примирения станет брак между майором и юной Виолеттой: во всяком случае, на это ставили два и даже три к одному. Но девушка, нарушив все литературные каноны, вышла замуж за очень многообещающего молодого улана из Мадрасского корпуса — и покинула Третий Карабинерский.

А майор в результате так и остался холостяком. И, наверно, таковым пребудет до конца своих дней.

Перевод Григория Панченко

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКАНОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сапер (Герман Сирил Мак-Нейл)	7
Тринадцать свинцовых солдатиков (Пер. С. Удалина)	9
Артур Конан Дойл	30
Случай в полку (Пер. Г. Панченко)	32
О Холмсе и спиритизме (Пер. К. Чешко)	45
Ирвин Ш. Кобб	51
Последняя атака кавалерии Форреста (Пер. М. Акимовой)	52
Хискич Хискич-Причард	83
Семеро лесорубов (Пер. С. Удалина)	84
Джозеф Конрад	102
История (Пер. С. Кобяковой)	102

ЛЕДИ-ДЕТЕКТИВЫ И ЮНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Баронесса Орци	125
Смерть в Найнскоре (Пер. В. Малаховой)	127
Кэтрин Луиза Пиркис	148
Черная сумка, оставленная у дверей (Пер. М. Великановой)	148
Анна Кэтрин Грин	174
Тайна второй пули (Пер. М. Великановой)	174
Харви Дж. О'Хиггинс	196
Детектив на побегушках (Пер. Л. Мининой, М. Великановой)	197

ПОБЕДА «ЧЕРНОГО КОРОЛЯ»

Эрнест Уильям Хорнунг	221
Джентльмены против игроков (Пер. М. Великановой)	222

Грант Аллен.....	244
Дело о старом мастере (Пер. А. Немировой).....	245
Ричард Марш	263
Сигнализация (Пер. А. Немировой).....	264

ДЕТЕКТИВ С УЛЫБКОЙ

Джеймс Барри.....	279
Мой вечер с Шерлоком Холмсом (Пер. О. Образцовой)	281
Покойный Шерлок Холмс (Пер. О. Образцовой)	285
Эллис Паркер Батлер	291
Фило Габб, детектив-заочник (Пер. М. Великановой)	292

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ

Мелвилл Д. Пост.....	325
Другая рука (Пер. М. Маковецкой, Г. Панченко).....	327
Джером К. Джером	344
Труды и свершения Иосифа Праведного (Пер. Г. Панченко)	344

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Грегори Сквайрз	365
Дело об именной пуле (Пер. С. Удалина, Г. Панченко).....	366
Гилберт Кит Честертон	386
Мистер Дэчери — это мисс Твинклтон? (Пер. А. Немировой).....	387

Літературно-художнє видання

Джентльмени проти гравців

(російською мовою)

Збірка

Укладач *Григорій Панченко*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колобакина*
Художній редактор *В. О. Трубчанинов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

Джентльмены против игроков

Сборник

Составитель *Григорий Панченко*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колобакина*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Найкращі детективні історії від популярних американських і британських письменників. Класичні сюжети, улюблені герої, несподівані повороти подій, похмурі таємниці, злами, грабунки — справжня детективна романтика. Персонажі, що стали еталоном детективу — Шерлок Голмс, Бульдог Драммонд, Філо Габб. Справжні герої, яким до снаги розкрити будь-який злочин, і геніальні шахраї, котрі вправно обдурять навіть славетного сищика; леді-детективи й підлітки, що розплутують надскладні кримінальні схеми; комічні сищики й сищики-священники... Пориньте у дивовижний світ, де доведеться розгадувати цікаві загадки і будувати логічні ланцюжки.

Джентльмены против игроков : сборник / А. К. Дойл и др. ;
Д40 сост. Г. Панченко ; пер. с англ. — Харьков : Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», 2018. — 400 с.

ISBN 978-617-12-5686-6 (PDF)

Самые лучшие детективные истории от популярных американских и английских писателей. Классические сюжеты, любимые герои, неожиданные повороты событий, мрачные тайны, взломы и грабежи — настоящая детективная романтика. Персонажи, ставшие эталоном детектива — Шерлок Холмс, Бульдог Драммонд, Фило Габб. Настоящие герои, которым под силу раскрыть любое преступление, и гениальные мошенники, которые ловко обманут даже самого знаменитого сыщика; леди-детективы и подростки, распутывающие сложнейшие криминальные схемы; комические сыщики и сыщики-священники... Погрузитесь в удивительный мир, где придется разгадывать интересные загадки и строить логические цепочки.

УДК 821-312.4